Дело № 58-008-50

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва 25 сентября 2008 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

Председательствующего Червоткина А.С.
Судей Фроловой Л.Г. и Зыкина В.Я.

Рассмотрела в судебном заседании от 25 сентября 2008 года дело по кассационным жалобам осужденного Агеева П.Н., защитников Зайцева С.В. и Шарко Н.Г., на приговор Хабаровского краевого суда от 11 апреля 2008 года, которым

Агеев П[redacted] Н[redacted], [redacted]

осужден к лишению свободы: по **ст. 105 ч. 2 п.п. «д, з» УК РФ** - на **15 лет**, по **ст. ст. 30 ч. 3, 105 ч. 2 п.п. «д, к» УК РФ** - на **8 лет,** по **ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ** - на **8 лет**, по **ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ** - на **3 года.**

В силу **ст. 69 ч. 3 УК РФ** по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний, окончательно назначено **Агееву П.Н.** наказание в виде **22 лет** лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии **строгого** режима.

Заслушав доклад судьи Фроловой Л.Г., объяснение осужденного Агеева П.Н. в поддержание доводов кассационных жалоб, мнение прокурора Тришевой А.А., полагавшей приговор как законный и обоснованный оставить без изменения, кассационные жалобы – без удовлетворения, судебная коллегия,

УСТАНОВИЛА:

согласно приговору Агеев совершил грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, с применением насилия не опасного для жизни и здоровья потерпевшего Л; разбой, то есть нападение на Л и С в целях хищения принадлежавшего им имущества, совершенное с применением насилия опасного для жизни и здоровья, угрозой применения насилия опасного для жизни, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего С; умышленное причинение смерти С, совершенное с особой жестокостью, сопряженное с разбоем; покушение на убийство Л, с особой жестокостью, с целью сокрыть другое преступление.

Преступления совершены 28 декабря и 19 февраля 2007 года, в с. района края при обстоятельствах приведенных в приговоре.

В судебном заседании Агеев виновным себя в совершении указанных преступлений не признал.

В кассационных жалобах осужденный Агеев П.Н., защитники Зайцев С.В. и Шарко Н.Г., в интересах Агеева, утверждают, что материалами дела не опровергнуты доводы Агеева о его невиновности, оговоре его Л, как заинтересованным лицом, стремящимся избежать уголовной ответственности за совершенные преступления, оговоре Агеева также свидетелями М и С, связанными с Л личными отношениями. Считают, что показаниями свидетелей Ж и Т о присутствии Агеева в доме потерпевшего С во время, совпадающее со временем смерти потерпевшего, не может быть подтверждена вина Агеева в убийстве, поскольку указанные свидетели не видели момента убийства и лица его совершившего. Утверждают, что время совершения преступлений, указанное Агеевым на предварительном следствии не совпадает с временем смерти потерпевшего С. Соглашаясь с тем, что доводы Агеева о применении к нему в ходе предварительного следствия физического и психического насилия в целях добиться угодных следствию показаний не подтвердились, в то же время ссылаются на самооговор Агеева на предварительном следствии, при этом приводят данные судебно-психиатрической экспертизы о том, что Агеев склонен к фантазированию и рисовке. Утверждают, что для полного исследования психического состояния Агеева по делу следует провести дополнительную судебно-психиатрическую экспертизу. Считают, что потерпевшего С мог убить Л, у которого с потерпевшим был конфликт, отмечают, что с этим потерпевшим у Агеева сложились уважительные отношения. Находят доказательства, исследованные в судебном заседании противоречивыми, считают, что суд не дал им надлежащей оценки. Агеев считает, что материалами дела не установлен корыстный мотив его действий. Ссылается

на предположительность выводов экспертов в заключениях. Считает сфальсифицированным заключение судебно-медицинской экспертизы трупа С[redacted] на том основании, что в ходе осмотра трупа на месте происшествия, эксперт не усмотрел видимых телесных повреждений, а в дальнейшем при исследовании обнаружил. Адвокат Шарко считает, что в действиях осужденного по причинению смерти С[redacted] не усматривается особой жестокости, при этом ссылается на неприязненные отношения между потерпевшими С[redacted] и Л[redacted] (дедом и внуком). Относит к нарушению закона, поставляющему под сомнение законность приговора то, что в судебное заседание были доставлены для осмотра не те ботинки, которые были изъяты у Р[redacted] и опознаны потерпевшим Л[redacted].

В возражениях на кассационные жалобы, государственный обвинитель Смаль М.Г., просит приговор, как законный и обоснованный оставить без изменения, кассационные жалобы – без удовлетворения.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, судебная коллегия находит выводы суда о виновности Агеева в совершенных им преступлениях, основанными на доказательствах, полученных в порядке, установленном законом, всесторонне, полно и объективно исследованных в судебном заседании и получивших оценку суда в соответствии с правилами ст. 88 УПК РФ.

Так вина Агеева в им содеянном, подтверждается данными, содержащимися в его явках с повинной, а также его собственными показаниями, данными на предварительном следствии и обоснованно признанными судом правдивыми в той их части, в которой они подтверждаются другими доказательствами.

Судом выяснялись причины изменения Агеевым показаний, чему дана правильная оценка в приговоре.

Оснований к самооговору у Агеева судом не установлено. В кассационных жалобах Агеев отказался от первоначально выдвинутых доводов о том, что работники милиции избивали его в целях добиться нужных следствию показаний. Однако и эти доводы Агеева прокуратурой, а также и судом тщательно проверены и обоснованно признаны несостоятельными, с приведением убедительных мотивов принятого решения прокурором в постановлении, а судом в приговоре.

В том числе из дела усматривается, что следственные действия с Агеевым выполнялись в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Вина Агеева подтверждается также показаниями потерпевшего Л, который пояснил суду об обстоятельствах открытого хищения у него Агеевым пластиковой карты со счетом в сумме рублей копеек, обстоятельствах разбойного нападения Агеева на него и С, убийства Си попытки убить и его – Л.

Судом обоснованно не установлено существенных разногласий в показаниях потерпевшего. При этом судом учтено, что первоначальные показания потерпевший давал кратко, будучи травмированным, после происшедшего, в дальнейшем давал более подробные показания, с указанием деталей случившегося.

Показания потерпевшего Л об обстоятельствах его ограбления Агеевым подтверждаются показаниями свидетелей-очевидцев происшедшего М и С, полно и правильно приведенными в приговоре. Его показания о нахождении в доме С во время происшедшего именно Агеева, а не иного лица, подтверждаются показаниями свидетелей Т и Ж которым суд дал надлежащую оценку. Свидетель Т пояснил также об агрессивном поведении Агеева во время пребывания в доме С, избиении им Л сжигании в печи одежды, а также о том, что Агеев просил его говорить работникам милиции, что его не было в доме потерпевших.

При оценке показаний свидетелей Т и Ж, суд учел их объяснения о запамятовании деталей происшедшего из-за нахождения в состоянии алкогольного опьянения, а также их престарелый возраст.

Оснований не доверять показаниям потерпевшего Л свидетелей М, С Т и Ж судом не установлено, не усматривается таковых и судебной коллегией.

После допроса потерпевшего Л из печи дома С была извлечена зола, содержащая фрагменты остатков одежной фурнитуры, что также подтверждает правдивость показаний Л о сжигании Агеевым его одежды в печи.

Из показаний свидетеля Р следует, что в феврале 2007 года Агеев проживал в доме ее бывшего мужа. После смерти мужа она обнаружила в доме ботинки, которые ее мужу не принадлежали, имеющие особенности фасона. В дальнейшем эти ботинки были изъяты работниками милиции.

Указанные ботинки были опознаны в ходе предварительного следствия потерпевшим Л, как принадлежащие ему и похищенные Агеевым.

Из протокола опознания, показаний потерпевшего Агеева, свидетелей Л[redacted] и Л[redacted], присутствовавших при опознании, усматривается, что принадлежавшие ему ботинки Л[redacted] опознал уверенно, назвал признаки, по которым опознал их. Приметы ботинок он перечислил в ходе допроса, проведенного до опознания.

Из материалов дела усматривается, что ботинки Л[redacted] были изъяты из дома Р[redacted] после того, как Агеев в явке с повинной указал, что он снял с потерпевшего Л[redacted] зимние ботинки, принес их в дом Р[redacted], где и оставил.

Из заключения служебной проверки усматривается, что из-за путаницы бирок, после проведения опознания, к материалам дела были приобщены и направлены в суд не ботинки Л[redacted], а другие ботинки, предъявляемые Л[redacted] для опознания, ботинки же принадлежащие Л[redacted] утрачены (т. 4 л.д. 250).

Указанное обстоятельство не поставляет под сомнение законность проведенного опознания и достоверность полученных при опознании результатов.

Показания Агеева в ходе предварительного следствия о том, что при поджоге Л[redacted] от первой спички возгорание не произошло, и он зажигал вторую спичку, также подтвердились. В месте указанном Агеевым при проверке его показаний на месте происшествия были обнаружены и изъяты две обгоревшие спички. Также, в месте, указанном Агеевым, в огороде дома С[redacted], под снегом была обнаружена бутылка, из которой Агеев облил Л[redacted] спиртом.

Вина осужденного Агеева подтверждается также данными, зафиксированными в протоколе осмотра места происшествия, содержащимися в заключениях проведенных по делу судебных экспертиз, оснований сомневаться в правильности выводов которых у суда не имелось, другими доказательствами.

Вопреки утверждениям в кассационных жалобах, противоречий в протоколе осмотра трупа С[redacted] и заключении судебно-медицинской экспертизы не содержится. То, что при первичном осмотре трупа С[redacted] на месте происшествия не обнаружено «видимых телесных повреждений», не поставляет под сомнение выводы экспертов о наступлении смерти С[redacted] от механической асфиксии, от сдавления органов шеи при удавлении, поскольку при исследовании трупа потерпевшего в условиях бюро судебно-медицинской экспертизы, наружные повреждения у этого потерпевшего также были выявлены незначительные.

Показания свидетеля Г[redacted], пытавшейся обеспечить Агееву не имевшее в действительности алиби, обоснованно признаны судом неправдивыми, данными в силу дружеских отношений в целях помочь Агееву, избежать уголовной ответственности.

Показания указанного свидетеля о нахождении Агеева во время происшедшего в доме Р[redacted] опровергаются собственными показаниями Агеева о нахождении его в это время в ином месте, показаниями свидетеля Р[redacted] о том, что в оспариваемый промежуток времени, как Агеева, так и Г[redacted] в доме Р[redacted] не было, показаниями потерпевшего Л[redacted] и свидетеля Т[redacted] о том, что Агеев находился в доме С[redacted].

Решение суда о вменяемости Агеева основано на материалах дела, данных о его личности, поведении до совершения преступлений, после этого, в конкретной судебно-следственной ситуации, принято судом также с учетом выводов комплексной стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы оснований сомневаться в правильности которых не имелось.

То обстоятельство, что в постановлении о назначении экспертизы указано, что Агеев обвиняется только в покушении на убийство Л[redacted] (путем сожжения заживо), не влияет на выводы экспертов, поскольку, экспертам предоставлялись для исследования все имевшиеся на момент проведения экспертизы материалы дела, содержащие сведения о том, что Агеев обвиняется в совершении еще и других преступлений (т. 2 л.д. 52-58).

Судом тщательно проверялись все доводы, приводимые осужденным Агеевым в свою защиту, в том числе и обоснованно признаны не нашедшими подтверждения, как опровергающиеся материалами дела.

С учетом изложенного следует признать, что тщательный анализ и основанная на законе оценка исследованных в судебном заседании доказательств, в их совокупности, позволили суду правильно установить фактические обстоятельства совершенных Агеевым преступлений, прийти к правильному выводу о его виновности в совершении этих преступлений, а также о квалификации его действий.

В том числе правильным является решение суда о виновности Агеева в причинении смерти С[redacted] и покушении на убийство Л[redacted] с особой жестокостью. Так, убийство С[redacted] совершено Агеевым в присутствии его близкого родственника – внука (Л[redacted]), а посягательство на жизнь Л[redacted] совершено с применением способа, заведомо причиняющего потерпевшему особые мучения и страдания – облил лицо и грудь Л[redacted] легковоспламеняющейся жидкостью и поджег.

Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену либо изменение приговора, судебной коллегией по данному делу не усматривается.

При назначении Агееву наказания, судом в соответствии с требованиями закона учтены характер и степень общественной опасности совершенных им преступлений, конкретные обстоятельства дела, данные о его личности, смягчающее обстоятельство, к которому судом обоснованно отнесена его явка с повинной.

При наличии к тому законных оснований наказание Агееву назначено с применением ст. 62 УК РФ.

Назначенное Агееву наказание соответствует требованиям закона, оснований к его смягчению судебной коллегией не усматривается.

Руководствуясь ст. ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Хабаровского краевого суда от 11 апреля 2008 года в отношении Агеева П Н оставить без изменения, кассационные жалобы осужденного Агеева П.Н., защитников Зайцева С.В. и Шарко Н.Г. – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи